

An impressionistic painting of a restaurant interior. In the foreground, a table is set with a bottle, glasses, and a vase of red tulips. In the background, several people are seated at tables, engaged in conversation or dining. The scene is lit by warm, golden light, with a large window on the right and a framed picture on the wall. The overall style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a rich color palette of browns, yellows, and reds.

Виктор КОРОЛЕВ

*Жё тэм,
мон шер...*

12+

Виктор Королев

Жё тэм, мон шер... (сборник)

Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Королев В. В.

Жё тэм, мон шер... (сборник) / В. В. Королев — Издательство
«Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-484-1

«Она проснулась от счастья, которое переполнило ее до краев и стало проситься наружу. Ей приснился Алексей. Только почему-то он был не в мундире, а в исподнем. Она улыбнулась, благодаря Бога за такой подарок, привычным движением нащупала под кроватью тапки и легко встала. Долго не могла понять, что же переменялось в ее девичьей комнате. Потом поняла: она сама. Ей восемнадцать, и в субботу у Ипатьевых бал. Папенька повезет ее в Екатеринбург по железке первым классом. На балу Алёша должен сказать ей самые главные слова. Во время вальса он шепнет ей: «На святцы...» Это значит – сваты приедут по первому снегу. Если она не согласна, сделает вид, что не расслышала. Если согласна, должна ответить «будем ждать», так они договорились. Алёша не знал, какой будет ответ. А она еще вчера придумала, что скажет ему по-французски: «Жё тэм, мон шер...» То-то он удивится!..»

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-484-1

© Королев В. В., 2017
© Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Жё тэм, мон шер...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виктор Королев

Жё тэм, мон шер...

© Виктор Королев, Екатеринбург, 2017

© «Союз писателей», Новокузнецк, 2017

* * *

Жё тэм, мон шер...

Она проснулась от счастья, которое переполнило ее до краев и стало проситься наружу. Ей приснился Алексей. Только почему-то он был не в мундире, а в исподнем. Она улыбнулась, благодаря Бога за такой подарок, привычным движением нащупала под кроватью тапки и легко встала. Долго не могла понять, что же переменялось в ее девичьей комнате. Потом поняла: она сама. Ей восемнадцать, и в субботу у Ипатьевых бал. Папенька повезет ее в Екатеринбург по железке первым классом. На балу Алёша должен сказать ей самые главные слова. Во время вальса он шепнет ей: «На святцы...» Это значит – сваты приедут по первому снегу. Если она не согласна, сделает вид, что не расслышала. Если согласна, должна ответить «будем ждать», так они договорились. Алёша не знал, какой будет ответ. А она еще вчера придумала, что скажет ему по-французски: «Жё тэм, мон шер...» То-то он удивится!

В доме еще все спали. Слышно было, как храпит папенька в дальней комнате. Они с маменькой тоже согласны на этот брак. «Лучшей партии не придумаешь», – так прямо и сказали вчера за вечерним чаем.

У порога Ольга решила примерить новые туфли из черного атласа. Сунула босые ноги – как раз. Не снимая обновки, толкнула от себя дверь, вприпрыжку сбежала с крыльца во двор и – зажмурилась. За углом дома, в котором жила дворня, стоял Алёша и, улыбаясь, смотрел на нее.

Ольга сосчитала до пяти и снова открыла глаза: Алёша стоял совсем рядом. Только одет он был почему-то, как дворня, – в нижней рубаше и в каких-то коротких синих штанах, прямо как из ее ночного сна. Он поманил ее, и она пошла к нему, протянув навстречу руки и не замечая, что лицо ее уже мокро от теплых счастливых слез, и лицо, и шея мокрая, и руки, и даже ноги. «Жё тэм!» – засмеялась Ольга на весь мир и закружилась в вальсе...

...Я проснулся от счастья, которое переполнило меня. Каникулы! Мигом вскочил и прямо как был, в синих трусах и майке, помчался на двор. «Рубашку надень, не лето еще!» – крикнула мне из кухни мама.

Лето, лето, мам, смотри, как хорошо! Солнце бьет в глаза. Пахнет пылью и клеем тополевых листьев. Тишина. И никого еще. Кроме бабки Ольги, которая, смешно переставляя желтые ноги, тяжело сползла с крыльца, по-лошадиному описалась стоя и теперь тупо жмурилась на солнце. Она стояла в длинной ночной рубашке с мокрым подолом, в старых черных калошах и что-то шептала, шамкая губами.

Бабка Оля у нас по жизни чокнутая. Взрослые говорили, что она купеческая дочь, и до революции весь наш двор принадлежал ей, и соседние дома, и еще с десятков магазинов в городе. Что она запросто говорит по-французски и еще по какому-то. На самом деле она вообще говорить не умеет, молчит либо твердит свое заклинанье. А с ума тронулась, когда ее арестовали. Родителей ее уже никто не помнил, но утверждали, что богаче никого в Камышловке не было. Хотя фабрикантов и купцов здесь было полно, богатый город. Не случайно Колчак его хотел сделать своей полевой ставкой. Только потом белые ушли, пришли наши, и бабушку арестовали, посадили в кутузку.

А дальше взрослые о чем-то шептались уже без нас. Вроде как бабушку там сильно пытали. Как – уж не знаю, но выпустили ее по телу здоровой, ничего ей в ЧК не сломали. Бегаёт шустро, только успевай уворачиваться. Догонит – прижмет, аж кости затрещат, один раз я попался, больше не хочу и дразню ее теперь издали. А если не догонит – встанет посреди двора и кружится, руки растопырив и бормоча под нос не по-нашему всегда одно и то же, словно заклинает кого.

Во – и сейчас! Я только пальцем ей погрозил, как она заржала дико и, раскинув руки, стала меня ловить. Ну уж фигу! Я мигом перелез через палисадник, а она плаксиво насупилась и затянула свое непонятное: «Жё тэм, мон шер...»

У нас в городе полно достопримечательностей разных. Во дворе – чокнутая бабка. На нашей улице – Банная канавка и телевизор у Казачинских. Прямо через дорогу – огромный дворец культуры. Такого нет нигде, как сказал папа. Он смеялся захлеб и повторял: «До этого надо же додуматься – сорок лет-то римскими не так пишется, ха-ха-ха-ха!»

На фасаде ДК было выложено четыре буквы Х – сорок лет Октябрю. Открыть дворец собирались осенью, к ноябрьским праздникам.

В центре тоже достопримечательность – улица Ленина, на которой в два ряда плотно стоят лабазы-магазины. И с любого места видно Уральские горы – сине-зеленые, такие близкие. По Ленину спускаешься – и река Пышма, куда мы ходим купаться. Город наш как раз на обрыве стоит. Ему триста лет. Раньше здесь был острог, крепость, которую никто не мог взять – нам в музее рассказывали. Стоит себе, башни, стены, с одной стороны река, с трех других – глубокий ров. Не подберешься, а если даже и заберется кто на кручу, так под стенами ровными рядами лежат бревна с острующими концами, тронешь – они и посыпятся с обрыва, сбивая всех. Не взять наш город никакому неприятелю, абсолютно неприступный. Емелька Пугачев пытался, пришлось ему стороной обходить Камышлов. А что белые взяли, так они на бронепоезде приехали и со стороны станции вошли без боя.

Еще в центре есть музыкальная школа. С нашей улицы только Танька ходит в музыкалку. Она отличница, учится играть на пианино и вечно задирает нос. Хотя красивая. Я ей так и сказал после торжественной линейки. А она фыркнула на меня и убежала, с тех пор не разговаривает. На следующий год ни за что с ней не сяду за одну парту. А может, помиримся. Она вон за забором песню поет. Про грачей, которые на крыльях принесли весну. Знаю я эту песню. И знаю, что для меня поет, задавака. Дура Танька еще не знает, что пройдет десять лет, и мы поженимся.

– Таньк, пойдём купаться?

Делает вид, что не слышит, только громче поет. Сейчас вот Надежка с Аньчей выйдут, и с ними пойдём. Мы вчера прямо с последнего урока ушли купаться. Так здорово – хлопнешь наволочкой по воде, пузырь надуется, ухватишь его снизу рукой и плывешь по течению, слушая, как наволочка шипит, выпуская потихоньку воздух.

Из наших только мой старший брат Юра плавать умеет, и то у берега. Но вчера он с нами не ходил – и много потерял. Мы видели, как рыбу сетями ловят. Девчонки первыми их увидели, позвали нас с Серегой: «Айда сюда скорее!» Девочки купались от нас отдельно. Обе были в мужских майках, которые заменяли им купальники. На груди у Аньчи майка прилипла к телу, выставив наружу два симметричных белых чирья.

Рыбаки уже вытаскивали сеть на берег, тянули изо всех сил. Тот, что был на лодке, – с одного конца, другой – с другого. И кидали рыбу прямо на берег, в траву. Рыбки были круглые, ровненькие, серебристые, высоко подскакивали, выгибаясь дугой, и мне казалось, что они пытаются допрыгнуть до воды.

Самого большого карася я взял в руки. Он забился так, что я едва удержал его. Жабры его растопырились, царапая мне ладошки. А толстые губы сложились бантиком и свистели едва слышно: пи-иить.

– Что, пионер, рыбку жалко? А ведь это не твоё!

Дяденька за спиной подошел незаметно и сурово глядел на меня сверху вниз. Второй крикнул ему от лодки:

– А ты камнем его по башке – и всё делов!

У меня аж в глазах все потемнело, как представил, что взрослый дяденька со всего размаху ударит меня по затылку камнем. Стало дико больно, и почему-то сразу отнялись ноги. А дядька хмыкнул довольно, вырвал из рук моего карасика и ахнул по нему булыжником.

«Не нааа-даа», – только и успел я выдохнуть из себя. Дядька бросил карася в ведро и сказал:

– Вот как надо – понял, пионер? Всегда так делай! Будь готов!

Дома я не стал никому рассказывать об этом, хотя затылок болел еще долго. Мы поиграли в волейбол новой камерой с Надежкой и Аньчей. Таньки Казачинской не было видно за забором, да она и редко заходила к нам. Задавав мы не берем в компанию. Хотя они однажды пригласили нас на телевизор. Так здорово – люди двигаются, как живые! И все через аквариум такой смотришь, куда можно запустить гуппёшек или красных меченосцев, вот бы красиво было: и картинки живые с людьми, и рыбки плавают!..

Бабка Ольга куда-то исчезла, зато вышел Серега Терещенко с огромным куском красного арбуза. Он смотрел на меня в упор и кусал, смачно всасывая в себя воздух и сладкий сок. Просить у него было бесполезно. Серегин отец работал на станции осмотрщиком вагонов и каждый вечер приносил домой что-нибудь. Где только брал? Серега с гордостью говорил: «Из рефрижиратора-торов». Я от него слышал это слово. И колбасу приносил, и масло, и жиру всякого, даже арбузы в конце мая – во живут! Серега никогда ни с кем не делился. Либо молча жрал, либо сразу предупреждал: «Сорок один – ем один». Беднее всех жили Аньча с Надежкой. Совсем бедно. Отец у них умер или не было его вовсе, а была баушка, которую так и звали – Баушка. Она единственная знала правду про чокнутую Ольгу, потому что служила у ее родителей еще до революции. От Баушки-то мы и узнали про клад. Точнее, узнал мой брат Юра. Будто бы сумасшедшая старуха была в молодости красавицей и единственной наследницей, и в ЧК ее пытали, чтоб она сказала, где зарыто золото, а она ничего не сказала, хотя знала, что отец закопал всё богатство где-то во дворе.

На огородах по весне у нас часто находили клады. В смысле, не у нас, а в городе. Нынче вот Колька Зайцев с улицы Свердлова выкопал целый сундучок – доверху набит был керенками. Отец его сундучок забрал, а деньги Кольке отдал. Потом до конца четверти мы с ним менялись на фантики. Штыки находили трехгранные, затворы ржавые от винтовок. Я ж говорю, что Камышлов – самый лучший город на земле. Но чтоб клад с бриллиантами и золотом – нет, такого не бывало, никто не слышал. И никто Юре не поверил.

Мы с братом дрались часто. Он был сильнее меня и дрался по-взрослому, кулаком снизу в подбородок. Я не хотел уступать и, как мог, мстил ему. Однажды утром вытащил у него из портфеля все ручки и карандаши. Брат принес из школы двойку по рисованию, а меня наказали. Это весной было, а сейчас уже, считай, лето...

Серый доел свой арбуз и вытер руки о штаны:

– Слышал, что Юранда твой брешет? Клад-то – под вашим домом!

– Да ну?! Врëеешь!

– Чего мне врать? А он чо, тебе и не сказал? Ну хошь, сам чокнутую спытай, она тебе сразу доложит, вона идет – спроси!

И он довольно засмеялся своей шутке...

...Ольга вернулась в свою комнату, долго сидела перед старинным комодом, а когда слезы кончились, вытянула из нижнего ящика заветную шкатулку. Небольшое фото, где маменька сидит в кресле, а папенька, такой строгий, в черной тройке, положил ей руку на плечо – это они в салоне на Невском фотографировались. Колечко с голубым камнем – тетушка из Тобольска подарила, сказала: изумруд счастье приносит и силы дает. Лента шелковая – это Алешин подарок, он сам букет перевязал. Фото Алешиного у нее никогда не было. И ни одной записочки от него не осталось, да и было-то той весной всего две. Еще в шкатулке лежали папенькины письма, документы всякие – они давно уже без надобности, но это всё, что осталось у нее от

прошлой жизни. Остальное – в памяти и в снах. И она всегда так счастлива, так благодарна Богу, когда он дарит ей такие сны. Как сегодня, когда приснился Алёша, её Алёша, её суженный – как живой, совсем рядом, совсем близко.

Господи, дай мне еще раз увидеть его, дай прикоснуться к нему хоть на мгновение! Этот мальчик соседский так похож на Алёшу, такой же беленький, сероглазый, улыбчивый – словно это их сын. Прямо копия отец, только росточком поменьше. Так бы и глядела в его очи, вспоминая Алешу, так бы и ласкала, прижав к груди! Она положила шкатулку на место, задвинула ящик, привычно глянула в окно, где раньше видны были горы, а теперь все закрыла громада ДК, перекрестилась дважды, пошла к двери...

– Бабка, говори, где клад зарыт?! – заорал я что есть мочи, когда старуха стала спускаться с крыльца, повернувшись задом и нащупывая непослушными ногами ступеньки. Она мигом слетела с крыльца и с диким воем кинулась ко мне. Мы с Серегой рванули по домам.

Юра сидел за столом и что-то рассказывал маме. Она наливала ему суп. Загадочно улыбаясь, погладила меня по затылку: «Мой руки и садись есть».

– Вот прямо под камнем и лежит, – досказал брат.

Я кинулся обратно в комнату:

– Что лежит, что?!

– Клад старухин, что же еще! – важно протянул Юра. – Под нашим домом. Сейчас в школу сбегая по делам и полезу. А ты не вздумай, фингал получишь!

Он ушел. И я мгновенно понял, что нет на свете такой силы, которая сможет меня удержать. Я не буду Юранду ждать! Для него кружок рисования важнее – ну и пусть его! Я первый найду клад!

...Под домом было темно и пыльно. Я с трудом протиснулся в узкий лаз, постоянно стучась затылком. Серега светил мне фонариком, но все равно ничего не было видно. Воняло гнилым чесноком. Руки наматывали на себя паутину, нащупывали какие-то банки, обломки кирпичей, куски истлевших тряпок. Я полз вперед, лаз все расширялся, в башке звенело.

– Давай сюда фонарик! – крикнул я Сереге. – Сам светить буду!

– Можно и я к тебе? – попросился Серега.

Но я для себя уже решил: кто найдет – того и будет. И совсем не собирался ни с кем делиться. Стоп! Дальше нету хода. Нос уткнулся в огромный камень. Поднял лицо и – не поверил своим глазам. На валуне желтел клочок бумаги.

Я орал так, что перепуганный насмерть Серега мигом выдернул меня на свет. И потом кричал вместе со мной:

– Наа-шлиии!

Словом, зря мы не поверили про сокровища. В записке так и было написано: «Клад лежит под этим камнем». Буквы были старые, с ятями, написано ровно, крупно, бумага выцвела от старости, твердая, как пергамент, тронь – и рассыплется, сломается.

– Я клад нашел! – влетел я на кухню. – Давайте лопату!

Мама с Юрандой молча переглянулись и – вдруг стали смеяться. Сначала тихонько, прыская в ладошки, а потом взмахав, всё пытаясь поймать мою руку с запиской. Мама обняла меня, прижала, а брат, торжественно улыбаясь, развернул смятую бумажку и пошел к печке. «Сожжет!» – сжалось у меня все внутри.

Но он просто аккуратно приложил ее к старой газете, что закрывала у нас печь, когда она не топилась. От газетки был оторван солидный кусок, и записка точь-в-точь совпала с оторванным краем. Я вырвался из маминых рук и убежал в сквер.

При новом ДК был скверик, куда старшая сестра Сереги Терещенко водила своих женихов. Обычно жених, усевшись с Людмилой на скамеечку под деревьями, объявлял конкурс: кто из нас, неотступно следящих и интересующихся малолеток, быстрее добегит до противопо-

ложной ограды и обратно. Засекал время, и мы мчались, словно гнался кто, словно это вопрос жизни или смерти был.

А однажды я споткнулся и упал на старте, а когда поднялся, увидел, что Серега, Надежка и Аньча уже скрылись за поворотом, а парень вовсю зацеловывает нашу Людмилу. Назавтра жених снова пришел, но мы уже не дали ему прохода, задразнили хором. Им пришлось с Люд-кой пожениться и сразу уехать в Свердловск...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.